

**ВОРОВСКАЯ
ЛЮБОВЬ**

Кирилл

КАЗАНЦЕВ

Золотой ГРЕХ

ЭКСМО

МОСКВА

2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
К 14

Казанцев, Кирилл.

К 14 Золотой грех / Кирилл Казанцев. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Казанцев. Воровская любовь).

ISBN 978-5-699-71094-2

Молодой ученый-физик Глеб гулял по парку со своей невестой Юлей, а в следующий миг вдруг очнулся на больничной койке. Что произошло и как он сюда попал — ничего этого ученый не помнил. Глеб вызвал дежурного врача, и тот вскоре появился в палате. Но не один, а в сопровождении сотрудников полиции. Стражи правопорядка предъявили Глебу обвинение в покушении на убийство. Глеб был потрясен! Он с трудом взял себя в руки и попросил назвать имя его жертвы. Ответ полицейских поверг Глеба в шок. Оказалось, он стрелял в свою будущую жену Юлю...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-71094-2

© Казанцев К., 2014
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

Глава 1

Обычные истертые деревянные лавки со спинками, такие знакомые по фильмам советских времен, обычный деревянный барьер слева от стола судьи, где между двумя сержантами милиции сидит подсудимый. И судья, зачитывающая приговор, еще не была одета в знакомую теперь многим черную мантию. Эти мантии ввели чуть позже, в 1992 году, для судей Конституционного суда. И потом их стали носить все судьи, а в том, 1990 году, еще существовал СССР, еще в диковинку было предпринимательство, еще зыбкой была граница между привычным клеймом «спекуляции» и законным бизнесом. И росло, как снежный ком, количество судебных процессов, в которых рассматривались дела об экономических преступлениях.

Судья читал и читал привычной скороговоркой обстоятельства дела, которые вскрылись в результате следствия. Подсудимый сидел, свесив голову, и только желваки на скулах у него шевелились да пальцы рук сцепились в замок и побелели от напряжения.

— ...приговорить к двадцати годам лишения свободы с отбыванием наказания в колонии общего режима.

Эти слова прозвучали как удары колокола! Двадцать лет! Что это значит для двадцатипятилетнего парня? То, что выйдет он оттуда уже сорокапятилетним мужиком, скорее всего больным. И вся молодость со всеми ее радостями просто будет вычеркнута из жизни. И подсудимый вскочил с лавки, повис на руках сержантов, вцепившись побелевшими пальцами в деревянный барьер.

— Су-ука-а! — орал он, брызгая слюной. — Ты сука! Ты меня продал, за бабки продал! Но я ведь вернусь, ты не жди, что я там подохну! Я вернусь, Боря! Вернусь, и ты мне заплатишь за все... самым дорогим заплатишь!

Борис Михайлович Давыдов вскрикнул и сел на постели, уставившись бессмысленным взглядом в стену напротив кровати. Постель под ним была мокрой от пота, подушка тоже, майка прилипла к груди. Что? Что? Фу-у, приснится же такое... Чертовщина, не иначе!

Давыдов посмотрел на часы, стоявшие на полочке у изголовья, и вытер рукой лоб. Все равно пора уже вставать. Отбросив одеяло, он спустил ноги на прохладный пол и посидел так немного, приходя в себя после ночного кошмара. Да, были времена! И времена, и возможности. Многие предприимчивые люди тогда очень обрадовались открывающимся перед ними легальным возможностям обогащения. Наконец и социализм дал трещину.

В 1989—1990 годах стали открываться первые кооперативы, появились различные Центры НТТМ — Научно-технического творчества молодежи. Но открывалось все это в основном на базе государственной собственности, поэтому сектор малого предпринимательства был пока незначителен. Но это было уже начало, появлялась цель, появлялись инструменты для ее достижения. Давыдов тогда был одним из немногих, кто по-настоящему оценил раскрывавшиеся возможности.

А потом в августе 1990 года вышло знаменитое Постановление Кабмина СССР № 790 «О мерах по созданию и развитию малых предприятий». Среди прочего, среди различных налоговых льгот и других послаблений, там, в частности, декларировалось и то, что отказ в государственной регистрации малого предприятия по мотивам нецелесообразности его создания не допускается. Это было грандиозно, это был прорыв предпринимательства в стране. И идея государства была понятна: она состояла в том, чтобы начать массовый процесс приватизации мелких нерентабельных и малоэффективных государственных предприятий, перевести их на арендную систему поощрений, кооперативную форму собственности. Или вообще передать трудовым коллективам на принципах акционирования. Все просто, и какая экономия бюджету страны, который рушился и рушился.

Давыдов поднялся, сунул ноги в тапочки и направился в душ. Здесь он остановился на несколько

секунд перед большим зеркалом. Здоровый крепкий мужчина, немного начал грузнеть, но в этом есть даже какая-то своя импозантность. Не начал ли толстеть, и под глазами вроде стали появляться мешки. Проклятый сон! На весь день из колеи выбил. А впереди работа, и надо переключаться с личного. Сейчас бы... Юлька далеко, в Чите... женой так больше не обзавелся. Захотелось домашнего уюта, женского тепла? Но кого-то вести в свой дом было неприятно. Привык, наверное. А женщину почему-то стало хотеться все чаще, даже чаще, чем в молодости. Или это только так кажется? Проклятый сон!

Жорка у подъезда, как всегда, тер чистой тряпкой стекла машины. Из толстого баллончика он разбрызгивал на стекло какую-то ароматную пену и вытирал ее размашистыми движениями. И сам весь опрятный, подтянутый, стройный для своих сорока с... чем-то, и машина у него всегда сияет чистотой, и внутри идеальный порядок. Жорка работал у Давыдова уже лет двадцать и умел понимать состояние своего хозяина лучше других. Женщины так не понимали Давыдова, как его водитель.

Стоя спиной к двери подъезда, Жорка вдруг заусетился, сворачивая тряпку и опуская «дворники» на лобовом стекле. Вот опять! Спиной, что ли, чувствует? Хотя так и должно быть, иначе такой работник не нужен.

— Доброе утро, Борис Михалыч! — расплыл-

ся Жорка, распахивая перед Давыдовым заднюю дверь машины. — Денек сегодня, а? Для великих свершений!

— Водку жрать в такие дни! — проворчал Давыдов, подавая Жорке руку и скептически разглядывая его не очень дорогой, но опрятный костюм. — Ты вот что... Часикам к четверем собери там джентльменский набор. Поработать надо будет, обсудить...

— Есть подготовить, — весело кивнул Жорка, захлопывая дверку за усевшимся на сиденье шефом.

— У тебя там на карточке осталось еще?

— Нормально, когда кончатся, я скажу, Борис Михалыч. А где будете? Опять у Катерины? Мужественная женщина! Вам работать, а у нее и дома покоя не бывает.

Это была старая игра, к которой все привыкли. Привык Давыдов, потому что не особенно обращал внимания на то, понимают ли ситуацию его помощники, привыкла сама Екатерина, привык Жорка, которому Давыдов велел завести пластиковую карточку, куда ежемесячно «забрасывал» некоторую сумму. Обязанностью Жорки было покупать что-нибудь для шефа по его заданию. В частности, алкоголь, закуску, фрукты.

С Екатериной у Давыдова началось два года назад. Была Екатерина Шеляхина одним из помощников депутата и отвечала за организационные вопросы. Давыдов ее и взял несколько лет назад

к себе потому, что Катя была расторопной, всюду имела своих людей, не стеснялась давить на людей, кривить душой, когда надо, и все понимала с полуслова. Даже с полувзгляда.

Было ей лет тридцать пять, была она замужней женщиной, но Давыдов никогда не интересовался, где и кем работает ее муж. Знал, что у Кати есть дочь-школьница, и помог устроить ее в элитный лицей. Примерно с год Давыдов смотрел на Екатерину как на помощницу, а потом в один из жарких дней вдруг посмотрел на ее колени, обтянутые колготками телесного цвета, на бедра, обтянутые тканью деловой юбки, случайно упал его взгляд туда, где две расстегнутые пуговички обнажали нежную кожу, изящную складочку и белые кружева бюстгальтера.

И как-то по-другому он увидел непослушный локон, то и дело спадавший на глаза, очертания нижней губы, пушок на скуле, ухоженные пальчики. А ведь баба-то совсем ничего. Он, дурак, когда припрет, пользуется шлюхами, а тут под боком... Нет, не теми шлюхами, что стоят вдоль Тверской, и не теми, что поставляют по звонку на телефон «досуга». В каждом социальном слое у мужиков свои шлюхи. У высокопоставленных и шлюхи высокопоставленные. А ведь они совсем не нужны. Надо Катьку обкатать, пристегнуть, сделать ее постоянной любовницей. Что лучше! Всегда под рукой, всегда... Нет, говорить, что всегда согласна,

еще рано, но думать так хотелось. Вообще о ней хотелось думать в этом ключе.

Тогда Давыдов, помнится, поймал себя на мысли, что, глядя на Екатерину, ни о чем уже и думать не может. Все мысли о том, как он будет гладить это колено, как его рука полезет под юбку в горячее и таинственное, как послушно расстегнутся эти пуговички, как его руки и губы прижмутся к нежной коже ее груди, как ее губы и ладошки будут ласкать его.

В тот же день он не сдержался и поехал в сауну, где сам себя удивил давно не проявлявшейся в полную силу энергией. А на следующий день он занялся подбором квартиры. Купил он ее через пару недель в доме 4 по Тверской, буквально в двух шагах от здания Государственной думы на Охотном Ряду. Это была хорошая квартира, после недавнего дорогого ремонта.

Давыдов заявил Екатерине, что квартира оформлена на нее и нужна для деловых целей, и распорядился поменять там обстановку. А через месяц он впервые дал ей задание накрыть небольшой фуршет в новой квартире и ждать гостей. Тогда же впервые Жорка привез туда продукты и выпивку, полагая, что Екатерина там живет.

А потом он, Давыдов, приехал сам. Он опоздал на два часа и увидел прежде всего встревоженные глаза своей помощницы. Лишний раз беспокоить депутата по телефону помощникам не рекомендовалось. Екатерина была в платье для коктейля

с открытой грудью и плечами. Тонкая ткань шоколадного цвета изумительно подчеркивала фигуру молодой женщины, оттеняла ее каштановые пышные волосы. Более желанной она еще для Давыдова не была.

Он присел на диван, пригласил Екатерину сесть рядом и налить им красного вина. Именно красного, густого и терпкого! Они взяли бокалы, и Давыдов взволнованно рассказал ей, как его к ней тянет, как она ему нужна. И квартира эта так и останется ее, если она даже откажет сейчас. А если не откажет, то он ее не обидит, потому что она...

Он сбился, закрутил сокрушенно головой, а потом стукнул краем своего бокала о бокал Екатерины и опрокинул вино в рот. Он пил и видел краем глаза, что женщина тоже поднесла бокал к губам. Молча! Это должно было означать согласие, это ничего другого не должно было означать, потому что он желал ее, хотел ее, он извелся, как подросток! Он поставил бокал, он взял бокал из ее тонкой руки, отметил капельку вина на нижней губе, увидел ее спокойные глаза, в которых не было страсти, но не было и возмущения.

Соглашается, потому что он ей начальник, потому что зависит от него? Соглашается, потому что хочет получать блага или потому что боится мести с его стороны? Да плевать! Главное, что согласна, а почему это все...

Он взял ее ладонью за шею и властно притянул к себе. Ее спина тихо скользнула по спинке

дивана к нему, мягкое плечо уперлось в его грудь, а полные губы оказались совсем рядом с его губами. Он касался их своими губами, чувствуя вкус вина, губной помады и женщины. Она не отвечала на его поцелуи, но губы были мягкими и податливыми. И тело тоже. Стоило ему протянуть руку и коснуться ее груди сквозь тонкую ткань платья, как тело отозвалось легкой неуловимой вибрацией. Или это ему показалось из-за сильного собственного возбуждения, которое охватило его, как в молодые годы.

— Катенька, Катюша, — шептал он как в лихорадке, прижимаясь лбом к ее груди, хватая губами край платья, зарываясь лицом в ложбинку между грудями. — Я так хочу тебя, ты мне так нужна, я теряю голову от твоего тела...

Он стащил с ее плеча платье, обнажил одну из грудей и шептал как будто именно ей, как он теряет голову. Он перечислял все ее части тела, давая им нежные эпитеты, он сходил с ума от того, что не чувствует сопротивления, он раздел женщину уже до пояса и целовал во все места, до каких только дотягивался, его трясло от предвкушения того, что будет дальше, будет обязательно, потому что Катя уже так много ему позволила и все между ними теперь ясно.

Его руки рылись в подоле ее платья, терзая ткань чулок, ощущая горячую кожу и ее безумную нежность. Он рывком прижал Екатерину к себе всем телом, услышал, как она тихо вскрикнула...

Он был груб и страстен, потому что возбуждение достигло пика. Он срывал с себя пиджак, галстук, рубашку, он задирает на ней платье и стаскивал его через голову, тараща глаза на тонкое изящное женское белье, он повалил ее, послушную и податливую, как игрушку...

Все происходило молча, и только подрагивала и позвякивала на столе посуда. А потом он лежал на ней, ощущая, как ей под ним тяжело и как она дышит. Он повернулся на бок на узком диване и уставился в потолок. И все? И это стоило покупки квартиры? Давыдов закрыл глаза и стал вспоминать безумие возбуждения, которое им недавно овладело. Пожалуй, стоило. Стоило потому, что в любой день, в любой час он может ее сюда привести и насладиться ее телом. Между прочим, еще достаточно молодым. А то, что он не испытал ответной страсти... что ж, в этом тоже есть свое возбуждение. Овладевать женщиной, когда она тебе отдается не по любви, а по какой-то причине!

Екатерина молча поднялась и ушла в душ. Давыдов сел и налил себе вина. Думать, смотреть телевизор, общаться душевно с отдавшей ему женщиной ему не хотелось. Ничего не хотелось. А потом она вышла в новом дорогом домашнем халате и под села к столу. Они выпили, натянуто улыбнувшись друг другу, а потом... Давыдов просто напился до крайности и уснул на этом же диване, сквозь сон и опьянение чувствуя, как Екатерина стягивает с него брюки и рубашку.

...Солнце лупило жаркими лучами прямо в лицо, и от этого головная боль делалась просто нестерпимой. Давыдов со стоном перевернулся лицом вниз и с наслаждением ощутил прохладу подушки. Значит, он в таком неудобном положении лежал так давно, что аж шея затекла. Черт! Что же так неудобно лежать, и...

И тут он вспомнил, что проснулся не у себя дома, вспомнил все, чем закончился вчерашний день. Эта квартира, которую он предложил своей помощнице Екатерине Шеляхиной в обмен на сексуальные отношения. Вспомнил сам секс, вспомнил, как потом вливал и вливал в рот водку, пока не свалился от усталости и опьянения, не удовлетворенный ни сексом, ни...

То, что с сексом получилось не так, как хотелось, Давыдов вспомнил отчетливо. Как-то это все было похоже на то, что женщина просто уступила его домогательствам. Вот откуда неудовлетворенность! Он-то привык к тому, что все с желанием работают на него, проявляют усердие в работе, чтобы не рассердить босса, чтобы угодить ему. Души захотелось? А душу она тебе и не отдала, тело — пожалуйста. Хотел — получи.

Давыдов, лежа на спине, вскинул руку над головой и посмотрел на наручные часы. Много! Уже восемь часов утра! Странно, что никто до сих пор... А-а! Он же отключил с вечера мобильник, чтобы не беспокоили. И Жорку он отослал домой с машиной. Сказал, что его подбросит кто-нибудь из...